

**ТРОЛЛОП И СЛАВЯНСКИЙ МИР:
ЗНАКОМСТВО НА РАССТОЯНИИ**

Варвара А. Бячкова, Борис М. Проскурнин¹

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет
г.Пермь, Россия*

Keywords: Trollope, Prague, foreign culture, “otherness”, Slavs, Jews

Summary: The article deals with the “otherness” in A.Trollope’s “Nina Balakka”. The representations of European culture of 19th century Prague is under analysis. Trollope mixes the British and European culture to arrange a “distance game” between the reader and the characters. Discovering Prague with its cultural, historical and linguistic peculiarities reader allows himself to feel the collision of the novel more acutely and to sympathize with the characters more.

Ключевые слова: Троллоп, Прага, культура, славяне, евреи, «друговость»

Аннотация: Статья посвящена анализу романа Э.Троллопа «Нина Балатка» как произведения, в котором автор пытается воспроизвести иной, славянский, мир, рисуя драму любви чешки и еврея. При этом Троллоп не ставит задачу подробного воспроизведения «другой» культуры. Обращаясь к культурным приметам жизни Праги XIX в., Троллоп, прибегая к средствам психологического анализа, акцентирует общечеловеческое содержание национального и расового антагонизма, по его мнению, пронизывающего социальную жизнь знаменитого славянского города. Постоянно «работая» с главным адресатом – читателем-англичанином, писатель подчеркивает, насколько далеко вперед ушел Лондон и Британия в решении подобных проблем.

Энтони Троллоп (Anthony Trollope, 1815–1882) – крупный английский писатель, одна из ключевых фигур литературного процесса Британии викторианского века, под которым формально принято понимать время, когда на английском престоле находилась королева Виктория – с 1837 по 1901 гг. По сути же, хотя временные границы этой эпохи – предмет научного спора, на бытовом уровне «викторианским» сами англичане называют едва ли не весь XIX в.

Еще при жизни писателя, в 1871 г., влиятельный журналист и лите-

¹ © Бячкова, В. А., Проскурнин, Б. М., 2015.

ратурный критик того времени Ричард Хаттон в произведшей большой шум книге «Очерки теологические и литературные» («Essays Theological and Literary») справедливо причислил Энтони Троллопа к «школе романистов социума» («society-novelists»), вписав его в ряд, открываемый Дж. Остен и представленный современниками писателя – Теккереем и Гаскелл, отмечал, что художественный мир Троллопа имеет в основе «царствие социальной реальности» («the social realm») (Цит. по: Davis, 2004: 376). Поэтому современники считали его произведения «слишком реалистичными» («too realistic») (Davis, 2004: 372). Хаттон, правда, был не совсем прав, когда полагал, что в романах представителей этой школы и в произведениях Троллопа в том числе доминирует «взгляд снаружи», особенно – в области создания характеров, не заметив, сколь тонко и «изнутри» выкладывается характерологическая перспектива героев писателя. Однако для нас сейчас важно, что Троллоп и его мастерство уже тогда воспринимались как своего рода квинтэссенция литературной эпохи, как проявление высокого уровня воспроизведения «жизненного опыта современного человека» (Davis, 2004: 376), как писатель, который точно знает, «что есть внешняя сторона явления, а что – его глубина» (Davis, 2004: 378). Именно это предопределило то обстоятельство, что мастерство Троллопа, проявившееся в психологически утонченной и одновременно иронической подаче «правдоподобных характеров», не потеряло своей притягательности и в наши дни; более того повествовательный иронический «модус», сформировавшийся у Филдинга и Стерна, подхваченный Остен и Теккереем и блестяще развитый Троллопом, доминирует в современной британской прозе.

Исследователи викторианской эпохи единодушны в том, что «главные заботы и интересы большинства британских мужчин и женщин на протяжении едва ли не всего XIX в. были большей частью связаны с проблемами, рожденными развитием Британии, с теми беспрецедентными изменениями, которые происходили внутри страны – во благо ей или во вред» (O’Gorman, 2010: 80). Именно в этом (наряду с невероятно возросшим экономическим и торговым доминированием Британии в мире) специалисты по викторианской культуре видят один из источников отдающего снобизмом национального эгоцентризма англичан, в конце века переросшего в имперское чувство превосходства и доминирования. Отсюда особое отношение к другим государствам и народам, нередко граничащее с неприятием и подчеркнутой дистанцированностью, если порою не враждебностью. Здесь же можно видеть и объяснение традиционно критического (в лучшем случае комического) изображения иностранцев во многих произведениях викторианских пи-

сателлей: вспомним Ч. Диккенса и его иностранцев в «Крошке Доррит» или ироническое, а то и сатирическое, изображение бельгийцев и немцев в «Ярмарке тщеславия» Теккерея или «Учителе» Ш. Бронте, равно как и иностранное (цыганское) происхождение знаменитого Хитклифа в романе Э. Бронте «Грозовой перевал». Сюда же вписывается и настроенное отношение большинства персонажей едва ли не главного романа викторианской эпохи – «Миддлмарча» Дж. Элиот – к Уиллу Ладисло, связанное прежде всего с его польскими корнями.

Это не отменяет, правда, интереса британцев к другим странам, что особенно проявляется в популярности разного рода книг о путешествиях за границу; вот почему столь развит был в викторианские времена жанр путевых картин, заметок, дневников – достаточно назвать «Американские заметки», «Письма из Италии» и «Некоммерческий путешественник» Ч. Диккенса. Однако, пожалуй, самым путешествующим викторианцем можно смело назвать Энтони Троллопа, который за 67 лет жизни совершил более 30 путешествий в другие страны, конечно, большей частью – во время службы в почтовом ведомстве, где он прославился как выдающийся менеджер – организатор почтового сообщения в самых отдаленных уголках не только Британии и Ирландии, но и в крупнейших британских колониях того времени: Австралии, Новой Зеландии, Цейлоне, Индии, Египте, Южной Африке, Ямайке. Только в Австралии он побывал трижды – в 1865, 1871 и 1875 гг.; путешествие на этот континент в те времена было целым предприятием. Не случайно среди героев его романов, повестей и рассказов немало иностранцев – американцев, итальянцев, французов, немцев, новозеландцев, австралийцев (правда, последних, если они не были аборигенами, по правилам тех времен к иностранцам в чистом виде не относили: они были подданными королевы Виктории; как и англо-индийцы из произведений Р.Киплинга).

Тридцать с лишним поездок за пределы Британии (причем иногда поездки длились несколько месяцев), безусловно, способствовали более широкому и толерантному взгляду Троллопа на жизнь за пределами Англии в целом и на не-англичан в том числе, чем у большинства его современников². Именно поэтому образы его героев-иностранцев редко окарикатурены, как у Диккенса. Понятно, что это объяснялось и общим

² Правда, это не относится к восприятию Троллопом России, тут он не выходил за рамки русофобии, особенно развившейся в Англии после подавления царским правительством Польского восстания 1830 г. и потока политических беженцев из этой страны и достигшего своего пика в годы Крымской войны 1853–1856 гг. Англичане традиционно считали царскую Россию страной ужасающего деспотизма и агрессивной политики по отношению к Британской империи. Однако это не отменяло симпатии Троллопа к И. С. Тургеневу, с которым он встречался дважды – в 1871 и 1881 гг. (См. об этом: Oxford Reader's Companion to Trollope, 1999: 463–464).

характером реализма Троллопа, для которого характерен, как написал крупный английский писатель XX в. Ч. П. Сноу, «здоровый аппетит к реальности» (Сноу, 1981: 118), а потому образы персонажей у него всегда были «сбалансированы» с точки зрения красок и оттенков, независимо от их национальной и социальной принадлежности. Главное же, писатель искал и находил разнообразные способы придания образам, в том числе и иностранцев, так сказать, человеческой соразмерности, «человеческих пропорций», делая последних в той же степени близкими и понятными, что и образы собственно англичан, чего, например, не скажешь об образе Бландуа из «Крошки Доррит» Диккенса. Основным источником этой «соразмерности» становится внутренний мир, а главным средством для читательского проникновения в этот внутренний мир – психологический анализ: читатель Троллопа, как правило, видит любого персонажа одновременно и изнутри и со стороны (Сноу назвал это свойство художественного психологизма Троллопа «апперцепцией» (см.: Сноу, 1981: 122). Даже наиболее сатирически заостренный образ иностранца в творчестве Троллопа – образ банкира Огастеса Мельмота из романа-фрески «Как мы теперь живем» («The Way We Live Now»; 1873)³ – в конце произведения в сценах перед самоубийством героя «очеловечен» глубокими нравственно-психологическими терзаниями; эта часть романа читается с неизменно возникающим чувством сострадания герою.

Троллопа в известной степени можно назвать космополитом – при всем том, что он – один из самых глубоко викторианских авторов по типу реализма и социально-нравственных акцентов. Во всяком случае, согласимся все с тем же Сноу, который говорил о Троллопе: «...шовинизм был ему совершенно чужд» (Сноу, 1981: 193). Писатель цитирует одно из писем Троллопа: «Сегодня мне кажется, что природа предназначала меня скорее в американцы, чем в англичане. Пожалуй, американец из меня получился бы лучше...» (Сноу, 1981: 194). И хотя затем Троллоп все же говорит, что для него гораздо важнее быть пусть плохим, но англичанином, в этом высказывании писателя есть правда о том, что он все же далек от национального эгоизма и ксенофобии.

Фактом неподдельного интереса Троллопа к людям иной культуры и иного национального менталитета является роман, действие которого происходит в славянской стране – Чехии, а точнее – в ее столице Праге, в которой Троллоп и его жена Роза были, судя по всему, не один раз,

³ Примечательно, что одним из источников нечестно нажитого богатства этого олигарха становится банковская афера в Санкт-Петербурге и манипуляции с некими молдавскими ценными бумагами.

путешествуя из Германии в Швейцарию и Италию и обратно – роман «Нина Балатка» (“Nina Balatka”, 1867).

Это произведение и его «пара» – роман «Линда Трессел» (“Linda Tressel”, 1868) (они были опубликованы в 1868 г. в одном томе) – не были первым экспериментом Э. Троллопа по перенесению места действия в «чужеродную» среду. Действие уже первых романов писателя («Макдермоты из Балликлорана», «Келли и О’Келли») происходит в Ирландии, которая для молодого Э. Троллопа была тоже своего рода «заграницей». «Нина Балатка» и «Линда Трессел» – произведения достаточно зрелого и в значительной мере состоявшегося писателя (уже вышли в свет пять романов «Барчестерского цикла», которые принесли Троллопу известность, появились первые романы не менее знаменитой «Паллизеровской серии»). Два эти коротких романа, опубликованных анонимно, были, своего рода, экспериментом Троллопа по созданию «второго литературного «я» (см.: Glendenning, 1992: 334). Троллоп в них сознательно перенес место действия из Англии в Европу. Правда, какие-то принципы «использования» иностранной среды и культуры Троллоп вспоминает из времен работы над «Вандеей» («La Vendee», 1850) – единственным историческим романом в творчестве писателя, действие которого происходит во Франции времен революции XVIII в. – воспроизведение бытовых деталей, лингвистических особенностей иностранной речи, комментирование автором иностранных культурных реалий. Но к некоторым (например, всесторонняя оценка исторической и культурной ситуации, внимание к городу как важному элементу иностранной культуры) Троллоп прибегает впервые.

В романе «Нина Балатка» смешение английской и европейской культур происходит на разных уровнях. Писатель учитывает многие особенности Чехии (Богемии) и города Праги, в котором живет героиня: исторические, топографические, культурные, бытовые и даже лингвистические⁴. Смешение культур способствует усилению эффекта игры с дистанцией между читателями и героиней. Чувствуя постоянно подчеркиваемую чужую культуру, читатель получает возможность взглянуть на историю Нины Балатка – «девушки из Праги, христианки и дочери родителей христиан, полюбившей еврея» (Trollope, 1991: 3; здесь и далее цитируем по этому изданию с указанием номера страницы в тексте работы. – В. Б, Б. П) – как бы со стороны. Но при этом читатель смотрит на происходящее совершенно непредвзято: он, скорее, «по-челове-

⁴ Писатель в общем и целом не акцентирует именно «чешскость» («славянскость») деталей быта и нравов, но читатель-англичанин сразу ощущает инокультурную атрибутику происходящего.

ски», нежели «по-английски», следит за перипетиями сюжета, сочувствует и сопереживает героине.

На бытовом уровне элементы европейской культуры, которые автор считает нужным привнести в роман, по большей части увеличивают дистанцию между читателем и героями. Неслучайно, как правило, реалии иностранного города чаще всего подаются с авторским комментарием: автор подчеркивает, уточняет, объясняет то, что могло бы быть непонятным, удивительным и непривычным читателям-англичанам. Так, например, описывая гостиную тетки Нины мадам Заменой, автор отмечает: «Ковра в комнате не было, но это ничего не значит, ковры тогда в Праге вообще не пользовались популярностью» (21). Разъяснений требует и местная валюта: герои ведут расчеты в пфенингах, флоринах и т.д., однако автор-повествователь время от времени «переводит» суммы в пенни, пенса и шиллинги. Например, в третьей главе Йозефу Балатке дают деньги, и чтобы у читателя сложилось представление о полученной героине сумме, автор-повествователь замечает, что это была «отнодье не двухпенсовая монета» (34). Иногда автор считает нужным выразить свое собственное мнение о той или иной бытовой детали чужой культуры. Вероятно для того, чтобы напомнить читателям, что рассказ ведется от лица соотечественника. Так, описывая головной убор еврейки Ребекки Лот, очень красивой и элегантной девушки, к тому же, персонажа, скорее, положительного, автор-повествователь не может удержаться от эпитета «странная венгерская шляпка» (“*peculiar Hungarian hat*”, 118).

Но с другой стороны, бытовые детали, являющиеся частью национальной культуры, иногда используются как весьма меткая характеристика персонажа, т.е. способствуют более полному раскрытию образа. Так, описывая служанку и наперсницу мадам Заменой Лотту, автор-повествователь отмечает «стрелу Диань», традиционный в Богемии элемент прически незамужних женщин. «Никому пока не удалось уговорить Лотту с ней расстаться», – замечает повествователь (22), тем самым подчеркивая гордость, некоторое упрямство, а также силу и преданность старой девы хозяевам. Другой пример инокультурных реалий, уже не относящихся напрямую к Чехии: лучшее имущество Софии Заменой (наряды, экипаж и пр.) хозяйкой объявляются «французскими», или «парижскими» (23). Троллоп справедливо полагает, что для героини-пражанки Париж и Франция – синонимы дороговизны, качества, моды, красивой жизни и пр. Однако на самом деле мадам Заменой носит платья, сшитые из английских тканей, а экипаж изготовлен в Дрездене. Такая, на первый взгляд, незначительная ложь сразу же дает характеристику героине, и читатель впоследствии убеждается, что из-за своего

эгоизма, мелочности и откровенной злобы мадам Заменой может с легкостью позволить себе ложь и клевету неизмеримо большую.

Другой интересный прием использования инокультурных реалий для раскрытия образов – имена собственные. На них стоит остановиться подробнее. Учитывая, что некоторые особенности чешского языка могут быть сложны для восприятия, автор-повествователь упрощает имена собственные, как бы «адаптируя» их для восприятия читателей-англичан. Так, например, Троллоп отсекает грамматически верные с точки зрения чешского языка окончания женских фамилий героинь (Balatka вместо Balatkova, Lухa вместо Lухova). Вместе с тем, писатель в целом достаточно тщательно подходит к выбору имен собственных и даже некоторые допущенные им ошибки не снижают эффекта узнавания, к какой языковой культуре относится то или иное имя. В частности, кузен Нины, сын супругов Заменой носит им Зиска (Ziska, т.е. Жижка). Как утверждает Р. Трейси, такое имя кажется не очень удачным, поскольку вряд ли католики Заменой дали бы сыну имя предводителей гуситов (т.е. протестантов, с точки зрения римской католической церкви, еретиков) (Трасу, 1991: 385). Возможно, это действительно ошибка Троллопа, но, во-первых, имя национального героя Богемии Яна Жижки как никакое другое связывается в сознании иностранцев именно с Чехией и Прагой, а во-вторых, появляется интересный контраст между образом молодого человека и его именем. Имя Жижки ассоциируется с образом воина, борца за свободу и правду. Зиска Заменой же определенно морально много слабее прославленного тезки. Маменькин сынок, которого легкое недомогание совершенно выбивает из колеи (22-23), возможно, искренне, по-своему, влюблен в кузину Нину, но бороться за нее он может только с помощью лжи, а в целом весьма равнодушен к ее настоящим тревогам, страхам, нуждам и чувствам.

Интересно, что имена пражских евреев выбраны Троллопом еще тщательнее и ошибок почти не содержат. Более того, уже на уровне имен писатель проводит границу между евреями и католиками Праги. Возлюбленный главной героини, например, носит говорящую фамилию Трендззон (дословно с немецкого и идиша – «сын иудея»). Имя становится еще одной деталью, подчеркивающей национальную и религиозную принадлежность молодого человека, наравне, например, с его портретным описанием: форма и цвет лица, нос и пр. детали внешности выдают в молодом человеке «самого настоящего еврея» (11). Подчеркивание национальных принципов в данном случае служит, скорее, даже не характеристике персонажа и раскрытию образа, а указанием читателю на конфликт романа. Неразрешимость ситуа-

ции религиозной и национальной нетерпимости – главная причина страданий молодых героев, а вместе с тем – одна из самых горьких особенностей Праги и Богемии, о которых пишет Э. Троллоп.

Как и в романе «Вандея», в произведении «Нина Балатка» Троллоп уделяет внимание некоторым не только культурным, но и историческим реалиям европейского города. Однако в данном случае, он делает это более детально, в чем и проявляется новизна «работы» писателя с иностранной средой. Нетерпимость, изолированность людей друг от друга по религиозному принципу – все эти проявления пражской жизни осуждаются автором. Наблюдая, как за любовь к еврею близкие и даже любящие Нину люди чуть было не доводят ее до самоубийства, читатель не может не почувствовать возмущения против царящего в Праге антисемитизма, который христиан толкает на безнравственные поступки, а евреев учит недоверию и подозрительности.

Если мы вспомним другие романы Троллопа, например «Как мы теперь живем» (“The Way We Live Now”, 1875), «Бриллианты Юстесов» (“The Eustace Diamonds”, 1873), «Премьер-министр» (“The Prime Minister”, 1876), мы обратим внимание на то, что проблема антисемитизма в самой викторианской Англии была далека от разрешения. Но вместе с тем во второй половине XIX в. Британия была страной, где не отсутствовали серьезные религиозные разногласия (см. об этом: Black, Macraill, 2003: 279). Уже в 1829 г. в Великобритании был принят билль, существенно расширяющий права евреев, а в 1858 г. парламент принял закон, по которому евреям можно было избираться в Палату общин британского парламента: избрание Лионеля де Ротшильда в члены Палаты общин стало возможным прежде всего благодаря этому биллю. Не меньшим доказательством растущей толерантности британского общества была блестящая карьера Бенджамена Дизраэли – пусть крещенного, но еврея. Все это, не считая других, менее известных и значительных фактов светской и политической жизни Великобритании второй половины XIX в, красноречиво говорило о «несколько» ином положении евреев в Лондоне, отличном от положения их пражских собратьев. Об этой разнице Троллоп и пишет в романе «Нина Балатка». Например, когда Антон Трендлзон вспоминает рассказы о европейских городах, где нет гетто, среди этих городов (как будто случайно) оказывается Лондон: «Ему рассказывали, что быть евреем в Лондоне – это даже лучше, чем быть христианином...» (70). Или Лотта Люкса, отговаривая мадам Заменой прибегать к помощи полиции, чтобы расстроить предстоящую свадьбу Нины, говорит: «Вся Прага об этом будет знать, разговоров не обещаться. И евреи окажутся сильнее священников. И англичане об этом

узнают и будут неприятности...» (29). Думается, подобные упоминания Англии, Лондона и англичан возникают в тексте романа по нескольким причинам. Свобода родной страны от подобных проблем, уверенность, что в Лондоне нет и не будет второй Нины Балатка, вызывают гордость у автора-повествователя. Стремясь внушить читателю эту гордость, он воспитывает его, поэтому следующая его мысль связана с тем, что человека судят по делам, а не по национальности и религии. Дистанцировавшись от семейства Заменой, Лотты Люкса и других персонажей, по замыслу Тrolлопа, читатель должен был видеть всю их нравственную неприглядность и, конечно, отнюдь не разделять их взгляды.

Вместе с тем, Прага у Тrolлопа – это не только противостояние христиан и евреев. Писатель помнит и напоминает своему читателю, что Богемия – часть Австро-Венгерской империи. Например, описывая район Мала Страна, где живет Нина, автор-повествователь не забывает упомянуть «увы! австрийские бараки» (5), а вся жизнь Нины проходит буквально «под сенью» практически необитаемого, но неизменно ярко освещенного Королевского дворца – символа австрийского господства в Чехии того времени. В этом «увы» автор очень метко и лаконично выражает отношение к отсутствию у Чехии независимости. Вена не может разрешить годами мучащие Прагу религиозные конфликты. В 1849 г. австрийский император уравнивал своих подданных – евреев и христиан – в юридических правах. Евреям это пришлось по душе: еще раньше они «перевели» фамилии на немецкий язык, активно используют его в речи. Например, в романе то и дело используются немецкие обращения “Herr”, “Fraulein”, наравне с английским “Miss” (еще один случай игры с дистанцией между автором и героями; на этот раз она уменьшается). Поначалу евреи были рады вести дела за пределами гетто. Но с чешскими христианами эти преобразования их не сблизили. Многие христиане были недовольны тем, что евреи получили новые возможности и права. Ситуация усугубляется тем, что местные уроженцы, занимающие важные для страны и города должности, не имеют реальной власти, она вся сосредоточена в руках австрийцев (см., например, 29). Пражские христиане, таким образом, чувствуют себя обделенными, незащищенными от реальных и мнимых опасностей, исходящих от еврейской «экспансии». Власть Австро-Венгрии, таким образом, в романе представляется чем-то постоянно обращающим на себя внимание, но совершенно бесполезным, как ярко освещенные окна пустующего королевского дворца («...и зачем им столько свечей?» – недоумевает Нина; 94). Эта власть издает законы, которые не помогают разрешать существующие противоречия, напротив, больше запутывают человека, ставя его перед слож-

ным выбором. По закону ничто не мешает Нине и Антону соединить свои судьбы, но кроме закона есть еще нравственная инерция, заблуждения и предубеждения окружающих, с которыми молодым людям предстоит еще долго сражаться в одиночку.

Большую роль в романе играет топография Праги. Город – это не только «декорации» к действию, но и, временами, отдельный персонаж. Совершенно точно посетив Прагу в 1865 г, а при написании романа пользуясь, как принято считать (Трасу, 1991: 386), популярным в то время «Путеводителем по Южной Германии» Мюррея, Треллоп воссоздает образ Праги топографически точно, разделяя город на «зоны», где живет тот или иной персонаж. Прага в романе предстает достаточно противоречивым местом. С одной стороны, описания районов Мала Страна, Градчаны, еврейского квартала и старой синагоги (особенно в день праздника) создают впечатление очень красивого, старинного, величественного, гостеприимного города, которым по праву гордятся его жители. Мала Страна, например, описывается как «чудесное место» с «живописной архитектурой» и «причудливой смесью дворцов и магазинов» (5). Однако, как справедливо замечает Р. Трейси, Треллоп удивительно точно подметил «беду» Праги и пражан – одиночество, изолированность друг от друга, о которой впоследствии блестяще напишет Франц Кафка (Трасу, 1991: xix).

Одиночество – одна из центральных проблем романа. В одиночестве оказывается («закрывается ото всех»; 116) Нина, своей любовью к еврею бросив вызов друзьям и родным. Антон также вначале одинок в попытках добиться успеха, изменить положение евреев в Праге, а потом одинок и потому, что полюбил христианку. Герои романа «Нина Балатка» «топографически», а порой и драматически, отделены друг от друга. Нина с отцом живут в городском районе Мала Страна (Треллоп использует названия на немецком языке, и район в романе назван *Kleinseite*), Антон – в еврейском квартале, а семейство Заменой – в Новом Городе. Таким образом, Нине, чтобы повидаться с Антоном или навестить семью тетки, нужно пересечь реку по Карлову мосту. Карлов мост – не только одно из самых примечательных для иностранцев мест в Праге, но и весьма важный топос в романе. Мост становится символом выбора, поворота в судьбе. Мадам Заменой он кажется очень длинным (25), и все потому, что она далеко не часто наносит визиты деверю и племяннице, да и решение «снизойти» до этого визита далось ей нелегко: она бы с удовольствием вычеркнула из жизни бедных родственников, если бы не решение племянницы выйти замуж за еврея. Для ее сына переход через мост становится преддверием настоящего открытия. Годами не навещая

Йозефа Балатку в Мала Страна, он и не подозревал, что дядя и кузина едва сводят концы с концами, и, конечно же, старый Балатка не может воспротивиться свадьбе бесприданницы Нины и богача Антона Трендлзона, потому что сам не в состоянии даже прокормить дочь, не говоря об остальных ее потребностях. Заглавной героине романа дважды предстоит сделать выбор, стоя на Карловом мосту. Первый раз становится подлинным испытанием для ее любви: во время свидания Антон просит ее поискать среди бумаг отца документы, подтверждающие права семейства Трендлзонов на дом, в котором проживают отец и дочь Балатка. Нина оказывается перед выбором между долгом дочери доверять отцу и долгом невесты во всем слушаться жениха (т.е. почти мужа) и поддерживать его. Во второй раз Нина, осиротев и утратив, как ей кажется, любимого, в отчаянии пытается свести счеты с жизнью, прыгнув с Карлова моста во Влтаву. Парадокс ситуации заключается в том, что Нина стоит у статуи Иоанна Непомуцкого, который, по преданию, защищает от смерти в воде. В холодную и темную ночь Нина не предает этому значению, запутавшись в «сомнениях, страхах и доктринах» (185); но ее попытка самоубийства срывается. Интересно, что на помощь к Нине спешат персонажи романа, для которых ее история становится толчком к своеобразному перерождению, изменению своих жизненных взглядов. Влюбленная в Антона Ребекка Лот понимает, что высшая ступень любви и самоотверженности – помочь Антону воссоединиться с Ниной, потому что молодому человеку нужна «не помощница, а нежное существо, чья несхожесть с ним придаст ему силы» (192). Еще более поразительное для себя открытие делает Сушей, старый слуга Йозефа Балатки. Сражаясь за спасение души молодой хозяйки (которого она лишится, выйдя замуж за еврея), Сушей решается на предательство и сожалеет о нем, осознав, что оно чуть не стоило Нине жизни. Так человек открывает для себя простую истину: жизнь и счастье ближнего гораздо важнее и богатства, и религиозных догм.

Примечательно, что в финале романа Нина и Антон покидают Прагу. Город, таким образом, остается неизменным, а до разрешения национальных и религиозных противоречий еще очень далеко. Троллоп задолго начинает готовить читателей к подобному финалу: Антон постоянно размышляет о том, что в Праге не оставят в покое их с Ниной; такого же мнения его родные. Автор-повествователь таким образом доказывает, что его рассказ правдив и объективен, он не может совершить чуда, не может изменить историческую, религиозную и культурную ситуацию заграничного города. Прага остается Прагой, евреи остаются в гетто, ничто не может совершить переворота в сознании семейства

Заменой, конфликт пражских евреев и христиан не имеет готового решения. Финал романа далек от концепции подлинно «счастливого конца», хотя некоторую надежду читателям дает «перерождение» Ребекки и Сушея (неслучайно именно его «моральным уроком» заканчивает Треллоп роман), и, конечно, не могут не радовать благополучное окончание испытаний Нины и ее отъезд с любимым мужем в дальние края к новой жизни и счастью.

В романе «Нина Балатка» Э. Треллоп, таким образом, предлагает читателю не удивиться необычным явлениям иной культуры, а поразмышлять над актуальными проблемами одиночества, истинной и ложной любви и преданности, искренности, терпимости и понимания.

Перенос действия романа на зарубежную почву, знакомя читателя с разнообразными реалиями иностранной истории и культуры, Э. Треллоп позволяет читателю-адресату дистанцироваться от национальности героев и посмотреть на ситуацию со стороны, оценить ее с точки зрения простых и понятных человеческих чувств и категорий. Так читатель получает возможность понять героев, сопереживать им и радоваться их счастью в финале романа.

Роман «Нина Балатка» остался единственным произведением писателя, действие которого происходит в славянской стране. Писатель не ставил перед собой цель углубиться в этнокультурные особенности жизни Праги и ее обитателей. Ему гораздо важнее были общечеловеческие проблемы недопонимания между людьми, апеллирования к уже уходящим в прошлое национальным и расовым конфликтам и противоположностям, бытующим на уровне повседневной морали и простых человеческих отношений. Нет сомнений, создавая «Нину Балатку», Треллоп осознанно, а в большей степени на уровне подсознания уже шел по линии культурной толерантности, основные предпосылки которой основательно вызревали в Британии в викторианские времена.

Литература:

- Сноу, Ч. П. 1981. *Треллоп* / Пер. с англ. П. Гурова; предисл. В. В.Ивашевой. Москва: Высшая школа. 208 с.
- Black, J. Macraill, D.M. 2003. *19th-century Britain*. New York: Palgrave Macmillan. 368 p.
- The Cambridge Companion to Victorian Culture* / Edited by Francis O’Gorman. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 309 p.
- Davis, Ph. 2004. *The Victorians*. Oxford: Oxford University Press. 631 p.
- Glendenning, V. 1992. Trollope. London: Pimlico. 551 p.
- Oxford Reader’s Companion to Trollope* / Edited by R. C.Terry. Oxford: Oxford University Press, 1999. 610 p.

Trollope, A. 1991. *Nina Balatka. Linda Tressel* / Edited. with an Introduction by R. Tracy. Oxford: Oxford University Press. 398 p.